

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧАСТНОГО АКТА

С. Н. ВАЛК

Если общей задачей каждой из вспомогательно-исторических дисциплин является предварительное критическое изучение или какой-либо одной разновидности исторических источников или какой-либо стороны исторических источников вообще, то две старейшие вспомогательно-исторические дисциплины служат лучшими образцами: дипломатика первого (акт) и палеография второго (письмо) их типа. Однако, длительный путь развития, пройденный ими в недрах церковно-феодалной среды и затем буржуазной историографии, оставил в качестве своего наследства ряд точек зрения, которые должны быть преодолены для возможности дальнейшего плодотворного развития этих дисциплин.

Дипломатика возникла и укрепилась уже в XVII в. благодаря Мабилльону и его грандиозному труду, как *Ars diplomata vera ac falsa discernendi*, как искусство различения подлинных и поддельных дипломов. Для этой цели надо было знать, какими признаками обладают подлинные акты, и целые десятилетия были потрачены на установление тех признаков акта, которыми подлинный акт обладал в ту или иную историческую эпоху, в то или иное время, в том или ином месте.

Однако уже в 60—70-х гг. XIX в., со времен Зиккеля, возникло другое направление, среди представителей которого мы можем назвать такие крупные имена буржуазной историографии, как Фиккер и Бруннер. Вводя в сферу своего изучения не только материал дипломов, как это делали до того времени, вплоть до Зиккеля, но и материал частных актов, новые исследователи не довольствовались тем, что устанавливали признаки, свойственные акту той или иной исторической эпохи. В соответствии с господствовавшими тогда в буржуазной историографии представлениями о развитии, шли ли они от идеалистической философии немецкой школы или от позитивистического эволюционизма, эти историки для решения той же

задачи установления признаков подлинного акта искали признаки не статически, как это ранее делалось в соответствии с рацionaliистическими представлениями XVII—XVIII вв., а исторически. Тем самым они поставили перед собой задачу изучения, каково происхождение каждого из этих признаков, а также процесса смены одного из них другим. Одним словом, как выразился один из современных представителей этого направления, на ряду с «описательной» дисциплиной явилась теперь «генетическая», — так это было и с палеографией и с дипломатикой. Итак, для дипломатики выполнение основной задачи всякой вспомогательно-исторической дисциплины — установление значения акта как исторического источника — теперь достигалось не одним лишь голым установлением признаков акта данной эпохи, но и путем изучения исторического развития этих признаков, т. е., другими словами, путем изучения истории самого акта.

Поставив перед собой задачу изучения истории акта, западная буржуазная наука пытается, однако, обобщить созданные ею фактические наблюдения при помощи понятий «личности», «индивидуализма» и т. п. Таким образом, можно считать, что построение истории акта, значения которой как основной задачи дипломатики нельзя, думается, отрицать, все еще впереди.¹

1

Частные акты являются источниками, без изучения которых не может быть восстановлена история классовой борьбы на протяжении XIV—XVII ст. Купчие, данные, меновные, духовные и т. д. остались основными документальными свидетелями и процесса роста феодальной земельной собственности, который в течение XV—начала XVI вв. создал грандиозные земельные владения, подобные владениям Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и др. монастырей, и кризиса этого землевладения. Порядные, ссудные, жилые, служилые кабалы и т. п. остались такими же важнейшими свидетелями той классовой борьбы, которую вело крестьянство с феодалами-крепостниками. И все же, несмотря на столь несомненную важность этого материала, он до сих пор не изучен надлежаще. Нельзя отрицать того, что мы имеем ряд работ, посвященных отдельным разно-

¹ Для предыдущего см. общий очерк Rosenmund, *Die Fortschritte der Diplomatik seit Mabillon*. München, 1897, и новейшую работу H. Steinacker, *Philologische und diplomatische Gesichtspunkte in den historischen Hilfswissenschaften*, «Festschrift des Akademischen Historikerklubs in Innsbruck», Würzburg, 1923, SS. 22—53.

видностям актового материала. Однако остается все же незатронутой основная проблема — проблема общей истории древнерусского частного акта, только знание которой может дать ориентировку в деле изучения отдельных разновидностей этого вида актового материала.

В сферу русского историографического изучения частный акт вошел со времен архангелогородского историка-купца Крестинина, впервые поставившего перед русскими историками задачу собирания частных актов, впервые наметившего задачи их изучения и впервые положившего этот вид исторических материалов в основу целой исторической монографии. Здесь не место ставить общий вопрос о судьбах изучения частного акта в русской историографии позднейшего времени.¹ Однако в той же мере необходимо дать некоторую справку о постановке в нашей историографии вопроса, интересующего нас в данной именно работе, вопроса, разработка которого, впрочем, отразит, конечно, общие точки зрения той или иной историографической школы.

Дворянская историография XVIII в. не давала возможности, в силу своих общих идеологических установок, явиться частному акту в качестве самостоятельной разновидности исторического источника; для нее официальные акты государственной власти были единственной признаваемой ею в качестве источника разновидностью актового материала.² С точки зрения этой историографии частный акт не возникал и не развивался самостоятельно, а существовал лишь в тех формах, которые ему были предуготованы официальным актом — законом. «Законодатель», по словам Ил. Васильева, одного из виднейших представителей этого направления, вводил «по необходимости» новые виды актов и он же издавал «новые образцы» вводимых им документов. Таким образом, для истории частного акта здесь нет места; оно есть лишь для исторического обзора законодательства о частном акте.³

Французская революция, которая повела к коренной перестройке общественных отношений, имела своим последствием вместе с тем и радикальную смену общественных учений: перевооружились и феодально-реак-

¹ Историографический материал имеется у А. С. Лаппо-Давилевского, *Очерк русской дипломатии частных актов*, Пгр., 1920, стр. 69—81, и в моей статье: *Сборник грамот Коллегии экономии, историографические заметки, «Борьба классов»*, 1924, № 1—2, стр. 228—249.

² Подробнее этого вопроса касаюсь в своей статье: *Исторический источник в русской историографии XVIII в.*, в *«Проблемах истории докапиталистических формаций»*, 1934, № 7—8, стр. 33 и след.

³ Ил. Васильев. *Повейшее руководство к познанию российских законов*, М., 1827, т. II, стр. 1 и сл.; на этой же точке зрения стоит Саларев, *Описание разного рода российских грамот*, «Вестник Европы», 1819, ч. 104, стр. 29 и сл., который часть описания, посвященную частным актам, строит исключительно на основе законодательного материала.

ционная и молодая буржуазная историография. Новая историография в лице романтиков немецкой исторической школы и гегельянцев, с одной стороны, и французской романтической школы, с другой, была тем фактором, которая направила мысль наших историков на занимающую нас проблему. Уже Рейц в своем известном «Опыте», написанном еще до выхода в свет «Актов юридических», т. е. тогда, когда изданные частные акты исчислялись единицами, допускал, относительно периода до половины XVI ст. (его «второй» период), что письменное совершение акта в это время «делалось от часу употребительнее, для большей верности, без законного на то предписания».¹

В двух год за годом появившихся магистерских диссертациях — Кавелина (1841) и Станиславского (1842) — были сделаны первые попытки решения этого вопроса. В той точке зрения, которую излагал Кавелин, нетрудно проследить явное влияние виднейшего представителя исторической школы — Савиньи, а в формулировке этой точки зрения — усмотреть прямую полемику против старых теорий законодательного происхождения частного акта. «Система укрепления гражданских прав письменными актами введена сначала обычаем, употреблением, а не положительным законом» — так утверждает Кавелин; и только потом, «когда однажды утвердился обычай составлять о каждом гражданском праве письменный акт, законодательство начало требовать, чтоб права доказывались крепостями».

В этой теории происхождения акта одно оставалось неясным: как и когда образовался сам обычай укрепления прав письменным актом. Кавелин наметил также и общую схему эволюции акта, которая не успела исчезнуть со страниц нашей историографии несмотря на почти столетнюю свою давность. Именно «письменные акты первоначально составлялись для памяти (отсюда память, запись). Впоследствии, процессуальное написание их развивалось все более и более; письменные акты начали составлять уже не для памяти, а для спору; отсюда и новое название акта, не раз встречающееся в Уложении, — крепость». Итак, эволюция значения акта — для «памяти» и для «спору» — сопровождалась и терминологической эволюцией — «память», «запись», и «крепость».²

Второй из отмеченных нами авторов, Станиславский, в своем построении ставит себе задачей «*mediam ingredi viam*», сочетать взгляды Савиньи с учениями такого виднейшего гегельянца, как «знаменитый Гапс».

¹ Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов, М., 1836, стр. 222, прим. 1.

² К. Кавелин. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях, Собрание сочинений, изд. Н. Глаголева, т. IV, стлб. 310—311.

Не касаясь общих взглядов Станиславского, на характеристике которых мне приходилось уже останавливаться в другом месте, укажу только на применение их к занимающему нас здесь вопросу. Его «философски-необходимая» диалектическая схема устанавливает три этапа в развитии акта: эпоху символов, эпоху формул, эпоху письменного акта. В отношении первых двух ступеней развития акта (термином «акт» Станиславский пользуется в широком смысле всякого юридического действия) Станиславский применительно к России высказывает только «догадки», которые «не могут быть еще превращены в неоспоримую истину»: «вероятно, предки наши в древнейшие времена совершали разного рода сделки устно», «быть может, в сопровождении торжественных каких-либо обрядов (символов) и с помощью общеупотребительных заученных изречений (формул)». Вопрос же о появлении письменного акта остается в пределах «философски необходимого» его возникновения и определить время этого появления «трудно и едва ли возможно». Пользуясь изданными тогда уже «Актами юридическими», Станиславский только «с достоверностью предполагает», что это случилось «по крайней мере не ранее XIII в.». В схеме, построенной Станиславским и имевшей столь отвлеченный характер, были, однако, свои плодотворные черты: исходя из общих представлений о развитии, она ставила вопрос о преемственности доактового и актового совершения сделок и в разрешении его она основывалась на сравнительно-историческом материале. Это давало возможность исторического построения дописьменного периода в истории русского акта, но это же делало почти излишним и не давало возможности конкретно-исторического обоснования возникновения письменного акта. В истории же акта вплоть до начала XVIII в. Станиславский видел одну лишь существенную грань — Уложение с его новой «крепостной» терминологией.¹

Соловьевско-кавелянская теория родового быта не замедлила сказаться и на истории занимающего нас вопроса. Известный в свое время юрист С. Пахман исходил именно из нее, когда построил свое историческое учение о «судебных доказательствах». Смена общинно-родового (общинный быт для Пахмана «органически» связан с родовым) быта государственным сопровождается распадом основ древнейшего быта, когда «место взаимного доверия заступает в гражданских положениях недоверие, лицемерие, эгоизм». Если до того частные сделки совершались «без посредства правительства», то теперь выступает на арену государство,

¹ А. Станиславский. Об актах укрепления прав на имущество, Казань, 1842, стр. 108 и сл. Об. помом. хлещ.

«принимавшее совершение частных сделок под свой надзор и облакающее их в форму письменную». Итак, мы получаем теперь некоторого рода возрождение государственной теории происхождения частного акта, причем Пахман в византийском акте пытается усмотреть тот образец, по которому строится начальная история русского акта. Как это ни звучит противоречиво при допущении государственного происхождения частного акта, Пахман как и Кавелин, полагает, что первоначально письменные акты, «вероятно», не имели еще процессуального значения — «сделки заключались для памяти, откуда и самые названия: память, запись»; затем лишь «мало-помалу» они приобрели это значение и получили новое наименование — «крепостей».¹

В трудах Энгельмана сказался отзвук тех течений романтической историографии, которые изучали экономические отношения и придавали им значение. Конечно, Энгельман считает, что «без существенного понятия о собственности, в особенности частной, невозможна общественная жизнь». Но, наряду с этой верой в частную собственность, Энгельман полагает, что «развитие в понятиях о праве собственности» надо изучать в связи (дать «сравнительное изучение») с экономическими отношениями; это было особо отмечено рецензентом Энгельмана, известным юристом Ф. Дмитриевым, в виде упрека, что Энгельман «слишком исключительно держится экономического взгляда на собственность, забывая, что экономическая сторона в ней не единственная и даже не одна имеет важность в развитии общества». Та эпоха, когда «частная семейная собственность хотя и существует, но понятие о ней было весьма смутно и неопределенно», неизбежно была, по Энгельману, эпохой «устного заключения договоров и публичного их приведения в исполнение», ибо в эпоху неизжитого родового быта каждый пришелец должен был пройти через контроль рода. Заключенный устно договор излагается затем письменно «для сохранения в памяти главных условий сделки и имен ее свидетелей», что является единственно ценным в этом «неформальном» акте; иногда такой акт подтверждает своей грамотой князь. Таково было положение в XIV и XV вв., что Энгельман хочет доказать данными правых грамот. «Формальным» становится акт в эпоху Судебников, когда благодаря рукоприкладствам ими «засвидетельствованная грамота приобретает полную силу и вне присутствия свидетелей». Эпоха Судебников является для Энгельмана временем, когда появляется «отвлеченное право на землю», однако оно «является исклю-

¹ С. Пахман. О судебных доказательствах по древнерусскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом развитии, М., 1851, стр. 148 и сл., 201—204.

чительно в княжеских грамотах». Таким образом, сделав попытку связать историю акта с историей поземельной собственности, Энгельман повторил в несколько видоизмененном виде уже высказанную до него точку зрения на смену «неформального» акта актом «формальным», связав некоторые, по его мнению, особенности первого типа акта с историей поземельной собственности, но не затронув вопроса о переходе ко второму типу, единственную отличительную черту которого он видел в появлении рукоприкладств.¹

Как это ни покажется странным, но вопросы, затронутые в вышеупомянутых работах, не получили в позднейшей литературе дальнейшего развития. Новые авторы привлекают вновь издающиеся материалы, но и то не все, но уклоняются от построений, повторяя большей частью высказанные уже мнения. Нет сомнения, что здесь сказался тот кризис, который характеризует вообще буржуазную историографию этой эпохи и у нас и на западе. Крупный московский ученый юрист, уже упоминавшийся выше, Ф. Дмитриев, выпускает в том же году, что и Энгельман, свою магистерскую диссертацию из области гражданского судопроизводства. Несмотря на ту роль, которую акт играет в процессе, Дмитриев только и находит, что «трудно сказать (об актах), к какому времени относится их появление», указывает без особого анализа, что «древнейший способ укрепления прав» «состоял в присутствии свидетелей при совершении юридического акта»; таковы и два-три других его суждения об акте. Такой блестящий юрист, как Дювернуа, в своей диссертации тоже не пошел далее своих предшественников. Мы еще столкнемся с его мнением о том, что «с XIV в. у нас знали акты как способ доказывать на суде», мнение, в ошибочности которого он повинен столько же, сколько и его предшественники. Не строя никаких исторических схем развития акта, он довольствовался тем, чтобы указать «очень большое разнообразие» признаков, служивших «для того, чтоб сделать несомненной подлинность акта» (печать, подпись и т. д.). Занимавшие, как мы видели, крупных юристов вопросы исторического развития акта сходят, таким образом, со страниц научных диссертаций, а в общих курсах истории, где единственно они находят приют, решаются банальными, ничего не говорящими фразами. Сергеевич, напр., строит главку-полустранничку своих рассуждений о «письменных актах» исключительно на основании законодательного материала; так же поступает и Владимирский-

¹ И. Энгельман. () приобретения права собственности на землю по русскому праву, СПб., 1859, стр. 25—42, 45—50, 64—82; Ф. Дмитриев. Отаы в «Отчете о четвертом при- суждении наград гр. Уварова», СПб., 1860, стр. 68—69.

Буданов в главе своего курса о «совершении договоров»: можно подумать, что мы возвращаемся к положению, существовавшему в начале XIX в.¹

Однако в это время появляется ряд работ, посвященных изучению и актов в целом, и отдельных их разновидностей. В 1883 г. выходит работа Д. М. Мейчика об актах XIV—XV вв. Затем появляется ряд работ С. Шумакова, завершающихся общим очерком о «грамотах и записях» (1917 г.). В этом очерке он развивал взгляд, что частные акты являются теми актами, в «форму которых облекались определявшиеся переплетом и борьбой социальных и экономических сил и отношений юридические сделки». Наковец, в 1920 г. появляется работа по дипломатике частных актов А. С. Лаппо-Данилевского. Однако ни одна из этих работ не поставила вновь затронутого в старой литературе вопроса истории акта, и все они сосредоточивали свои изучения на описании, как Шумаков, на юридическом анализе, как Мейчик, или на общих приемах изучения акта, как Лаппо-Данилевский.²

Таково состояние литературы вопроса, которому посвящена наша работа.

2

Установить время появления у нас частного акта является одним из условий успешности выполнения поставленной нами темы. Напрасно, думается, искать наличия частного акта в Киевском государстве. Правда, уже договор Олега с греками (911) говорит об «обряжении», которое «сотворит» умирающая «в Грецах» Русь: согласно этому обряжению «кому будет писал наследити имене,³ да наследить е».⁴ Статья Олегова договора о наследовании, в которую включен только что цитированный текст о письменном «обряжении», служила предметом изучения и толкования ряда иссле-

¹ Ф. Дмитриев. История судебных инстанций. Собрание сочинений, т. I, М., 1899, стр. 39—40; ср. стр. 263 о «памяти» и «записи»; Н. Дювернуа. Источники права и суд в древней Руси, М., 1869, стр. 207—208, 400—401; В. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права, изд. 4, СПб., 1910, стр. 614; М. Владимировский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4, К., 1905, стр. 612—614.

² Д. Мейчик. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции. М., 1883; в рецензии на эту работу А. Липинский указал на игнорирование в ней дипломатических моментов, Журн. мин. нар. просв., 1886, № 9, стр. 126—129; С. Шумаков. Грамоты и записи, в «Обзоре грамот Коллегии экономии», вып. IV. Чтения в Общ. истор. и древностей рос., 1917, кн. II, стр. 17 и сл.; А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920.

³ Таково чтение Ипатьевской летописи; в Лаврентьевской: «именье его».

⁴ В чтении этой статьи мы следуем за Беляевым (О договорах кн. Олега с греками, Изв. Акад. Наук по отд. русск. яз. и слов., т. I, стр. 322—333) и Шахматовым (Повесть временных лет, т. I, стр. 39) и против Владимировского-Буданова (Хрестоматия по истории русского права, вып. I, К., 1899, стр. 7).

дователей, начиная с Эверса. И. Д. Беляев хотел видеть в этой статье «чисто русский закон о наследовании», «во всем соответствующий славянскому юридическому взгляду» и отличающийся от германского (это пужило было для победы общинной точки зрения над родовой теорией). Однако начало этой статьи является дословным переводом известного римского текста XII таблиц. Нет ничего удивительного после этого, что для Сергеевича эта именно статья послужила «новым доказательством, как мало греки заботились о русском праве и как искусно умели они провести в договор то, что хотели». Для суждения об этой точке зрения не без значения должно быть и то положение, установленное Лавровским и подтвержденное Шахматовым, что договор 911 г. был составлен на греческом языке, и перевод его страдает рядом двусмысленных неточностей. Чрезвычайно странной после этого должна показаться попытка некоторых исследователей, в том числе и Владимирского-Буданова, признав византийский характер за той частью данной статьи, для которой обнаружен бесспорный по своей дословности источник, тем не менее полагать, что ее конец дает «ценный для русской истории права вывод» (это «единственный» ценный из этой статьи вывод для Владимирского-Буданова), заключающийся в том, что «уже тогда завещания могли быть письменные». Несколько смягчая это мнение, автор специального исследования о духовных завещаниях Л. Руднев хотел полагать, что эти завещания «по крайней мере изредка» записывались. Однако совершенно очевидно, что так как первая часть статьи рассматривает случаи, когда Русь умирает без завещательного распоряжения — «не урядив своего имени», а вторая — когда «сотворит обряжение», то вторая часть статьи повисает в воздухе без первой ее части, и, признав византийский характер начала статьи, нельзя обойти этот вывод и при оценке конца статьи. К тому же именно вторая часть статьи должна возбудить гораздо более сомнений в своей приложимости к быту руссов. Если указанное в начале статьи правило о наследовании «малых ближиков» еще могло бы быть истолковано как факт, общий для данной ступени общественного развития, то наличие для этой ступени распространенности письменных актов среди рядовой массы населения (не забудем, что речь идет о «работающих в Грецах Руси у христианского цесаря») — было бы фактом исключительным. Достаточно, быть может, указать, что в нашей литературе спорен еще вопрос, придавалось ли самими русскими князьями настолько значения этим международным письменным договорам, чтобы, как на то указывал не так давно В. М. Истриц, хранили их в своей казне: при таких условиях предположение о распространенности письменного завещания

среди массы населения, не имевшей к тому же своей письменности, кажется парадоксом, защита которого вряд ли оправдываема.¹

Нет, думается, оснований говорить о наличии частного акта и в эпоху «Русской Правды». В краткой редакции «Русской Правды» мы находим упоминания о денежном иске (ст. 14) и о нарушении меж и перетесов (ст. 33). «Правда» ничего нам не говорит о том, как были установлены межи, но относительно первого случая вывод сделать нетрудно. «Правда» предлагает идти «на извод пред 12 человека» и из этой процессуальной формальности нельзя сделать другого вывода, кроме того, что заем не был укреплен актом.

В пространной редакции «Русской Правды» материал для наших суждений гораздо богаче. Заем, о котором уже шла речь, теперь регламентирован тремя статьями (Кар., ст. 45, 47 и 48). Только до трех гривен можно дать взаймы без послухов; если же более, то деньги пропадают: «проняновался еси, оже еси послуха не ставил». Если заем менее трех гривен, он может доказываться присягой; для купца же делается общее исключение: «послуся ему не надобе, но пти ему на рогу, оже ся учить запрати». Итак, в качестве доказательств конкурируют присяга и свидетели. Ст. 36 Карамзинского списка, говорящая об украденном челядине, предлагает «вывести... послухы любо мытника, пред ким же кунивше», а согласно ст. 119 при самопродаже в холопы, равным образом, необходимо «послухы поставить». В деле о поклаже, как отмечает Кар. ст. 46, «стуту послуха нет, у кого тот товар лежить», «занеже ему благо деял и хранил», а решается оно ротой.

Наконец, мы подходим к тем статьям пространной «Русской Правды», которые, казалось бы, дают возможность говорить о письменном акте. В Кар., ст. 112, 120 и 121, упоминается «ряд»: когда отчим принимает детей «с задпипцею» — «и то такоже есть ряд, якоже рядил»; когда кто «понметь робу», то ряд решает, на чем он «стоитъ» (а без ряду — холоп); такова же статья о тиуне и ключнике. Однако в нашей литературе нет ни

¹ И. Беляев. О наследовании без завещания по древним русским законам, М., 1858, стр. 8, 19; В. Сергеевич. Лекции и исследования, стр. 660; Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, СПб., 1853, стр. 4 («договоры русских с греками бесспорно принадлежат к числу переводных памятников»), и др.; А. Шахматов. О договорах русских с греками. Записки СПб. Неофилологического общества, т. VIII, СПб., 1915, стр. 401 и сл.; М. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, К., 1905, стр. 485—486; Л. Руднев. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии, К., 1895, стр. 43, 75; В. Истрия. О договорах русских с греками. Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук. т. XXIX. 1924 (Л., 1926), стр. 392.

одного голоса, кто бы за этим «рядом» видел письменный акт. Даже Владимирский-Буданов, который, как мы видели, желал в «обряжении» договора Олега видеть письменный акт, заявляет, что «словесная форма вполне согласна с сущностью «ряда».¹

«Русская Правда», таким образом, позволяет утверждать, что в ее эпоху нет частного акта для укрепления какой бы то ни было сделки. Для нашего дальнейшего изложения существенно также подчеркнуть теперь уже отмеченную выше конкуренцию роты-присяги и послухов.

Однако уже с XII в. на первый взгляд, несмотря на только что полученные результаты, мы могли бы начать действительную историю частного акта. Для XII в. общезвестны, напр., попавшие в хрестоматии акты Антония Римлянина (купчая и духовная) и Варлаама Хутынского (вкладная); для XIII в. — духовная новгородца Климента и так наз. рядная Тешаты.

Акты, связанные с именем Антония Римлянина (духовная и купчая), были впервые напечатаны Амвросием и затем вскоре вторично Карамзиным в одном из примечаний ко второму тому его знаменитой «Истории». Уже Карамзин усумнился в подлинности печатаемых им документов: «слог довольно стар, писал историкограф, но чтобы судить об истине сих грамот, надлежало бы видеть подлинник, коего нет». Сорок лет спустя Энгельман, рассуждая о купчей, высказался о ней гораздо решительней, осторожно указывая на подделку: «нельзя утвердительно сказать, составлена ли она в его (Антония) время», — она «могла быть составлена и после него, а по преданию ему приписана». Характерно, что лет тридцать спустя Тихонравов в своем литографированном курсе палеографии уже определенно утверждал поддельность актов, приписываемых Антонию Римлянину, хотя и без достаточных оснований: его категорическая ссылка на Карамзина, мнение которого приведено выше, не была точна, а другое доказательство Тихонравова, — что источником для актов является житие Антония Римлянина, — тоже не может выдержать критики, так как житие было составлено в 1598 г., а акты были подтверждены Иваном Грозным до этого — в 1573 г.²

В литературе была сделана попытка выйти из затруднений, представляемых этими грамотами, или тем путем, чтобы, признав древнейший их источник, допустить в них только наличие позднейших переделок,

¹ М. Владимирский-Буданов. Обзор..., стр. 488.

² Амвросий. История Российской иерархии, М., 1811, т. III, стр. 123—126; Карамзин. История государства Российского, т. II, прим. 210; И. Энгельман, ук. соч., стр. 19; И. Тихонравов. Русская палеография, М., 1889, стр. 9—10.

или, чтобы цепой призывания поддельности одной грамоты, спасти другую грамоту. Первая точка зрения представлена Ключевским, который в основе обоих актов хотел видеть духовную, из которой было сделано подновленное и хронологически ошибочное извлечение в виде купчей. Вторая — представлена Голубинским, заявившим, что купчая, «как должно думать, есть позднейшая и поддельная; но другую грамоту (т. е. духовную) есть вся вероятность считать подлинною, только дошедшею до нас в новом языке и с поврежденным чтением».¹

Не покажется ли даже только после указанных выше литературных мнений удивительным то, что этими актами, и в особенности именно тою купчею, которая более всего заподозрена, наши виднейшие исследователи пользуются до сегодняшнего дня как несомненно подлинным актом для важнейших заключений о характере экономических, социальных и правовых отношений XII в. Действительно, Владимирский-Буданов включает эту купчую в свою хрестоматию, популяризируя ее, и на ней же основывает то существенное для нашей темы заключение, что «продажа недвижимостей с древних времен требовала написания купчей грамоты»; среди новейших исследователей видим, что, напр., Б. Д. Греков в своей работе о феодализме в Киевской Руси пользуется этою грамотою как одним из источников для суждений о «землевладельческой базе господствующих классов древней Руси», и что точно так же С. В. Юшков ею пользуется для заключений об отсутствии имущественного у «крупного» землевладения в XII в. Не будем умножать этих примеров. Совокупность сказанного выше заставляет нас удлинить этот экскурс и остановиться на обоих актах несколько подробнее.²

В 1524 г. в. кн. Василий Иванович дал Антониеву монастырю грамоту, в которой перечислены владения монастыря в разных пятнах и указано наличие владений «вокруг монастыря на посаде», но без точного определения границ последних. Из грамоты царя Федора Ивановича 1591 г. мы узнаем, что в 1559—1560 гг. (7068) между Антониевым монастырем и посадскими людьми шла тяжба из-за земли, кончившаяся победой посады, который получил правую грамоту на монастырь. Из той же грамоты узнаем, что дело в 1559—1560 гг. было решено «обыском», без представления сторонами каких-либо грамот. После разгрома Новгорода Иваном IV, во второй его приезд в Новгород, в 1573 г., в торжественный

¹ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871, стр. 307—308; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, пол. II, М., 1904, стр. 593.

² М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, стр. 133; его же, Обзор..., стр. 613, 620; Б. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси, Л., 1934, стр. 32; С. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси, Саратов, 1925, стр. 86.

день успения богородицы, в торжественном месте — храме Софии и в торжественный момент на всенощной — царь Иван слушал челобитную Антониева монастыря на новгородцев, которые де «без царева указа при прежних дьяках» «насильством, а неведомо почему, припустили к пастьбе» землю — куплю антониеву; здесь то царь приказал подписать на свое имя явно не фигурировавшую ранее в деле и теперь только предъявленную монастырем грамоту, и затем по этой грамоте решил дело в пользу монастыря. С этого момента и начинается постоянно и везде фигурировать этот ранее неизвестный акт.

Однако установление того, что именно подтвердил Грозный, требует некоторых разъяснений. Амвросий, впервые напечатавший эти грамоты, поместил под римской единицей купчую Антония, сопровождая ее указанием, что она подтверждена Иваном Грозным и «прочими царями», а затем под римской двойкой духовную Антония. Карамзин, исправнее напечатавший эти акты, но в том же порядке, что Амвросий, текст о подтверждении купчей Иваном Грозным явно заимствовал из Амвросия, что явствует из дословного сходства обоих текстов (есть одно лишь стилистическое изменение; конец о «прочих царях» Карамзиным опущен).¹ Вслед за Амвросием пошел не только Карамзин, но и вся последующая литература, исходившая из того, что Грозным была подтверждена только купчая. На этой почве создалось то особое значение, которое стали придавать купчей, на этой почве только и могли создаться выше приведенные литературные мнения Ключевского, Голубинского и т. п.

Надо все же сказать, что даже напечатанные Амвросием акты создавали некоторую трудность для такого понимания. Приказав подписать дьяку Ивану Собакину Антониев акт на свое имя, Иван IV дал монастырю в то же день 15 августа жалованную грамоту, которою решал спорное дело в пользу монастыря. В том месте жалованной грамоты, где говорится о предъявленном монастырем документе, он назван «с духовной списком»; однако, далее цитируется текст не духовной, а купчей: из последней заимствованы стоимость земли — сто рублей (в духовной: сто гривен), а также точное описание границ (которого в духовной нет). Отсюда мы вправе за-

¹ Не с той ли рукописи, что и Амвросий, печатал эти акты Карамзин? Ошибки Амвросия могут быть отнесены, а некоторые прямо относятся не за счет рукописи, а за счет подготовки к печати и печатания. Если дословно понимать указание Амвросия, то он печатал грамоты не по рукописной копии, а по копии, выписанной на раке. Рака эта позднего происхождения и находится теперь в Новгородском музее, в Софийском соборе; к сожалению, проверить Амвросия мне не удалось, так как при осмотре мною раки летом 1936 г. крышки на ней не оказалось, а акты были выписаны несомненно на крышке.

ключать, что Ивану Грозному были предъявлены одновременно оба эти акта, как одно целое, а не какой-либо один из них. Точно также упомянутая выше грамота царя Федора Ивановича, решая спор между новгородскими посадскими людьми и Антониевым монастырем, несколько раз называет то, что было подтверждено царем Иваном, и в одном месте приводит соответствующий текст. И мы видим, что подтвержденный Иваном Грозным акт, долженствующий теперь вновь решать судьбу тяжбы, систематически обозначается там, где он не цитируется, «духовным купчим ободным» списком или грамотой. В том же месте, где он цитируется, он назван «духовной грамотой», причем эта следующая далее «духовная» грамота не может не навести на новые размышления: именно, текст этой «духовной грамоты» состоит из приведенной целиком (без начальной лишь фразы) купчей, к которой добавлена последняя фраза духовной. Итак, и в названии подтвержденного акта и в цитате из него грамота Федора Ивановича, официальный документ царя, подтвердившего несколько ранее этот же акт, соединяет воедино антониевы купчую и духовную.

То же наблюдение можно давно было сделать и на основании жития Антония, которое было в 1598 г. составлено Нифонтом и, вопреки Ключевскому, предполагавшему старый источник жития, по словам Голубинского, «вполне должно быть усвояемо сему Нифонту». В одном из мест этого жития мы читаем, что Антоний землю «купи и межинами отмежевав и писму вдав и в духовную свою грамоту написал»; напомним, что в духовной купля только упоминается, а «межины» имеются в купчей. Далее житие передает предсмертное слово Антония своему ученику: это — разукрашенный риторически текст духовной, завершаемый концом купчей. Для этих мест житие не могло иметь иных источников, как эти акты, и мы видим, что оно тоже воедино смешивает оба эти акта. Обратившись от традиционного амвросиева текста к рукописям, мы найдем разгадку и понимания этих актов в XVI в., и той ошибки, в которую впал Амвросий.

В архиве Института истории Академии Наук имеются две копии этих актов. Первая копия представляет собою столбец из 4 сставов. На лицевой стороне этого столбца помещена сперва духовная, потом купчая; на оборотной же стороне в длину всех четырех сставов четыре подтверждения: Ивана Грозного от 15 августа 1573 г., Федора Ивановича от 31 августа 1584 г., Василия Шуйского от 30 июня 1606 г. и Михаила Федоровича от 24 июня 1617 г. (грамота эта была подтверждена и Дмитрием, как узнаем об этом из одного акта Василия Шуйского, но это подтверждение было затем изъято из общего текста подтверждений).

Если уже внешний вид этих подтверждений показывает, что они относятся к обоим актам как к одному целому, то об этом же говорит и терминология самого подтверждения,¹ которое называет подтверждаемое одним термином — «духовная», в то время как нет никаких сомнений, что была подтверждена и купчая; название, очевидно, было взято из того акта, который шел первым и заслуживал наибольшего внимания, хотя центр деловой тяжести лежал во втором акте; так, были приведены и подтверждены оба акта вместе — оба, как одно связанное целое. Думается, что теперь становится совершенно ясным, почему в грамоте 1591 г. подтвержденный акт имел комбинированное название «духовной-купчей-ободной», ясны также тексты цитированных грамоты Федора Ивановича и жития.

Вместе с тем другая, имеющаяся в том же архиве, копия может дать некоторое, как кажется, понимание традиционной ошибки. В ней нет обычного деления на лицевую сторону с текстом документа и на обратную — с подтверждениями. На лицевой стороне этой копии, после двух других документов следует духовная Аптония, затем купчая, причем часть купчей переходит на обратную сторону столбца, затем — подтверждения. При пользовании таким списком может получиться впечатление, что подтверждение относится ко второму только акту — только к купчей.

Нам остается все же отметить некоторое несоответствие между обоими грамотами, служившее для доказательства большей древности духовной: в последней денежный счет ведется гривнами, в купчей же — рублями.² Однако если купчая грешит рублями, то и духовная заставляет

¹ Так как это подтверждение не опубликовано до сих пор, то не лишне его привести: «Лета 7081-го августа в 15 день на праздник усение пречистые владычицы богородицы на всепощной у Софии премудрости божии государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси се(го) списка з духовной грамоте Онтония чудотворца слушал и, выслушав, пожаловал в своей государеве отчине, в Великом Новгороде, в своем государеве богомолье, в Онтониевом монастыре игумена Мисаила з братьею, или иные по нем игумены в том монастыри будут, ходити им по сей духовной по старине. И грамоту им государь жаловальную пожаловал дал и велел подписать свою государеву жаловальную грамоту дяку своему поугородцкому Ивану Собакину. А подписал на сем списку по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси приказу дяк Иван Собакин». Далее — упомянутые выше подтверждения. Во избежание недоразумений следует указать на ошибку в описании этого акта (Летопись занятий Пост. Ист.-арх. ком., вып. XXXIV, стр. 291, №№ 1—2), которое создает впечатление об отдельных подтверждениях для купчей и для духовной.

² В качестве лишнего примера, какая путаница создавалась в наших представлениях при пользовании этим актом, стоит отметить, что если для Ключевского этот рублевый счет служил аргументом против подлинности купчей, то Трутовский в своей обстоятельной работе, основываясь именно на этой грамоте, пытался доказать против П. Кауфмана, что рубль появился не в XIV в., а существовал уже в XII в. В. Трутовский. Русские меховые

Антония получать благословение от успешного умереть к тому времени епископа Никиты.

Для литературной истории происхождения духовной (о купчей уже было сказано) следует вспомнить, что, как указывает Голубинский, ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. не было почитания памяти Антония, ни общего, ни местного, и потому то Антоний не попал в число святых. Несомненно, что это и послужило толчком к агнографической работе. Уже в 1550 г. «находят» в Новгороде тот камень, на котором «приплыл» сюда из Рима Антоний; только с этого времени его начинают называть Римлянином; в 1573 г. Ивану IV предъявляют духовную уже как «чудотворцеву» грамоту, чего в 1549 г., повидимому, сделать не могли бы еще. Таким образом, вслед за камнем чудотворца была обретена его духовная и еще через несколько лет составлено житие.

Итак, Ивану Грозному были предъявлены для подтверждения оба акта, с того времени вошедшие как одно целое и в деловую практику и в литературу того времени. Мы видели и агнографическую задачу и деловую задачу, которую призваны были выполнить эти акты после макарьевских соборов и после досадной для монастыря тяжбы 1560 г., и которую они выполнили в 1573 г., вторично в 1592 г. и еще в третий раз в 1606 г. Они оправдали, таким образом, факт своего появления на исторической арене в XVI в., но тем самым, думается, лишили себя права свидетельствовать о событиях, протекавших за четыре века до того.¹

ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI в., М., 1911 (из «Пумпзматического сборника», т. I), стр. 18—19.

¹ Для характеристики этих актов должно не без значения явиться и то, что посадские не считали свое дело проигранным и после 1573 г.; в 1580 г. царю Федору Ивановичу был челом «воугородские посадские люди пятиконецкие староста Иванко Владимиров с товарищи и во всех воугородских посадских людей Софийские и торговые стороны местом» в том, что монастырь «владеет их посадскою землею городовым пастбищем насильством»; Федор Иванович обвинил их, главным образом, основываясь на грамоте 1573 г. Все упомянутые акты напечатаны у Амвросия, ук. соч., т. III, стр. 123—124 (купчая), 124—125 (духовная), 136—141 (грамота Василия Ивановича 1524 г.), 144—149 (грамота Ивана Грозного, с подтверждениями), 154—175 (грамота Федора Ивановича 1591 г.; на стр. 158—159 приведена купчая с добавочною санкцией), 193—215 (подтвердительная грамота Василия Шуйского); житие Антония Римлянина цитирую по тексту «Православного Собеседника», 1858 г., т. II, стр. 313—314 (первое упоминание о куплях), 317—323 (исповедание перед смертью); ср. Ключевский, ук. соч., стр. 306—311, где Ключевский допускает существование «краткой записки» об Антонии в монастыре, и Е. Голубинский, ук. соч., стр. 590—595, где на стр. 591 Голубинский доказывает отсутствие ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. материалов житийного характера о деятельности Антония. В связи с указанным не безинтересно, что и вещественные памятники, связываемые с именем Антония Римлянина, не имеют ничего с ним общего. Как указал уже давно в своей работе Г. Д. Филимонов, эмалевые иконы Антония Римлянина являются на самом деле лиможскими эмалами XIII в., назначением кото-

Тот же Амвросий, который впервые опубликовал акты Антония Римлянина, опубликовал и еще один акт XII в., — связанный тоже с монастырем и с именем его предполагаемого основателя. Это — данная «посадника Славенского конца» Ивана Фомина сына «священнику Лазарю и его черпцем» (Муромскому монастырю на Онеге), датированная 6690 (1182) годом. Она дошла до нас в своеобразном виде, будучи включена в завещание Лазаря. Уже Амвросий, впервые напечатавший эту грамоту, заметил противоречия между датой акта и датой архиепископства в Новгороде Моисея (1352—1360),¹ к которому, согласно завещанию, будто пришел Лазарь. Примиряя это противоречие, Амвросий хотел видеть «очевидную ошибку» в дате акта 6690 г. и предложил вместо него 6860, т. е. 1352 г., совпадающий с архиепископством Моисея. Казалось бы, вопрос об этом акте должен был бы вновь стать на очередь, когда в 1895 г. А. Воронов выяснил, что «завещание» Лазаря было составлено лишь в XVII в. и явилось орудием, повидимому, церковной или внутримонастырской борьбы («восстанавлилась» память о Лазаре, заслоненная другими гугуменами); хотя Воронов и считал «единственным достоверным фактом» посадничью данную, однако, ведь признание подложности завещания тотчас разрушало по крайней мере основание датировки акта. Тем не менее, мы видим, что эти акты продолжают фигурировать с Амвросиевою датой XIV в. (церковные историки, подобные Докучаеву-Паскову, ее, конечно, относили к XII в.) и в позднейших работах: Иконников пользуется ею еще в 1908 г., А. И. Андреев находит еще позднее в духовной Лазаря «любопытные подробности». Поэтому нелишне, думается, остановиться несколько и на этой данной, утверждение о подделке которой не потребует сложных доказательств.²

рых было служить не иконами, а переплетами священных книг; так называемые сосуды Антония Римлянина были в 1632 г. привезены в качестве подарка царю Михаилу Федоровичу послом Турецкого султана. Г. Филимонов. Древнейшие западные знала в России, приписываемые св. Антонию Римлянину и Андрею Боголюбскому. Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, 1874, № 4—5, стр. 26—34.

¹ Амвросий несколько ошибался: Моисей был архиепископом дважды: 1325—1329 и 1352—1359 гг.

² Амвросий, ук. соч., т. V, стр. 125—126; изложение доклада А. Воронова в «Памятниках древней письменности», вып. CXI, СПб., 1895, стр. 31—32; В. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, пол. I, Киев, 1908, стр. 603, 641, 646 и др.; А. Андреев. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей, Финно-угорский сборник, Л., 1928, стр. 289; «положительными указаниями» завещания пользуется также, напр., П. Поляков в своих «Исследованиях по каменному веку», Записки Русского географического общества, по отд. этнографии, т. IX (1882), стр. 52.

Прежде всего этот акт сам по себе возбуждает недоумения, помимо его даты. Давая свою землю «чем владел», посадник оговаривает, кроме обычного «а детям моим не вступатца», также и то, чтобы «волоостянам силы не делать», хотя это может быть понято, если вообще говорить о «волоостянах» в XII—XIV вв., только как предвидение той ожесточенной тяжбы, которую монастырь поведет с «волоостянами» в XVII в.; наконец, и терминология заключительной части — «к сей духовной на утверждение приложил Иван Фомин образ... свинцовой» обнаруживает человека, который несомненно видел северные акты XV в. с их свинцовыми печатями, но привык читать и писать акты, в конце которых завещатель имел обыкновение «прикладывать» — не образ, конечно, а руку, элемент удостоверения, не имевший места в новгородских актах ранее XVI в. (отметим, что свинцовые печати привешивались, а не «прикладывались»). Несколько фактов, которые мы узнаем из царской грамоты с прочетом от 4 января 1650 г., позволят также датировать этот древний акт. Согласно челобитной, пересказ которой имеется, как это обычно бывало, в царской грамоте, «пемецкие и литовские людские воры» пожгли в 1612 г. монастырь и вместе с тем «жалованные и межевые грамоты и всякие монастырские крепостные дела похмали»; после этого крестьяне окрестных погостов «их монастырскую землю и водами завладели насильством, потому что у них, у строптеля с братиею, межевой грамоты нет»; выдать такую «межевую грамоту» монастырь просит царя и представляет для подтверждения списки с прежних данных «каковы данные им дали на землю на Мурманской Нос благоверные Новгородские старые князи и посадники». Итак, спустя 38 лет после утери актов, и после того как владения монастыря дважды были описаны писцами (1628—1629 и 1645 гг.), вместо судебного спора с крестьянами, царю для подтверждения прав монастыря представляются «списки», т. е. копии погибших в 1612 г. актов. В первой из «данных» даритель в высшей степени странный: «Князь Василий Иванович Новгородской Вечеслав дал монастырю деревни на Гакуксе», без точного обозначения их названий (писцовая книга указывает нам на Гакуксе только 3 монастырских деревни, — повидимому, спор с крестьянами шел не о них: общего характера терминология «данной» давала монастырю возможность доказывать свои права и на другие). Вторая данная «Новгородских посадников» Ивана и другого (грамота здесь повреждена) содержит необычайную для новгородских актов XV в. черту — детальнейшее описание межи. Итак, в 1650 г. вновь повторилась история актов Антониева монастыря. Не имея возможности выиграть дело с окрестными крестьянами на основе имеющегося материала,

царю представляют для утверждения копии несуществовавших в то время актов. В этот момент, представляя свои акты, монастырь не знал еще нашей данной 6690 г., ибо не преминул бы, конечно, включить и ее в число подтверждаемых актов. Однако, более того, характернее еще то, что ни один из этих актов вообще не упоминает имени Лазаря, на что обратил уже внимание Голубинский. Если сопоставить с этим вышеприведенное указание Воронова, то можно без особого труда объяснить апологетическое происхождение этого акта и датировать его, как, повидимому, и все завещание, — второй половиной XVII в.¹

Переходим к третьему акту XII в. — к известной вкладной Варлаама Хутынского, впервые напечатанной тем же Амвросием, и не так давно воспроизведенной фототипически. Она, подобно купчей Антония Рымлинина, стала достоянием хрестоматий. Но, по сравнению с последней, у этой вкладной есть преимущество; она сохранилась до нашего времени в виде рукописи на пергамене, написанной полууставом, и, таким образом, ее палеографические признаки — почерк и материал заставляют считать ее несомненно древним актом.²

Однако, и по отношению к этому акту нам приходится поставить вопрос об его подлинности. С именем Варлаама Хутынского связана не только эта вкладная, но еще целая серия других материалов. Начнем с косвенно относящихся к Варлааму вещей.

Первая церковь в Новгороде, посвященная Варлааму, была построена в 1410 г.: память его начала почитаться в Новгороде, повидимому, незадолго до того, в конце XIV в. Утверждение Ключевского, что «краткое житие Варлаама несомненно существовало в конце XIII в.», теперь должно быть оставлено. А. И. Пономарев указал, что «ни в одном» из известных ему прологов XIII—XIV вв. оно не встречается, а впервые появляется «только в прологах XV в.».

Еще большее значение должно иметь для нас то, что предметы, непосредственно связанные с именем самого Варлаама, либо по преданию, либо по надписям на самих этих вещах, на самом деле относятся к тому же только что определенному времени — началу XV в. или же к концу XIV века. В Хутынском монастыре хранились поручи Варлаама, теперь находящиеся в Новгородском музее; как указывали Толстой и Кондаков,

¹ Олонекские губернские ведомости, 1849, №№ 1—5, 7 (точнее дата последней писцовой книги у К. Докучаева-Баскова, «Христианское чтение», 1885, № 5—6, стр. 798, прим. 2), № 39; 1850, № 47. Е. Голубинский. История канонизации святых, М., 1903, стр. 576.

² Амвросий. Ук. соч., т. VI, стр. 617—618; «Древности», изд. Моск. арх. общ., М. 1913, т. XXIV, стр. 12—15.

они «по шптью и рисунку наиболее имеют сходство с молдаво-валахйскими облачениями, находящимися в монастырях Молдавии и принадлежащими XIV в.». Если признать, что эти поручи — XIV в., то придется признать, что должно было пройти несколько времени для того, чтобы их приписать Варлааму. И так, и здесь мы имеем, вероятно, дело с концом XIV — началом XV в.

От поручей перейдем ко второму предмету, связанному с именем Варлаама, предмету, от которого, как увидим далее, прямой шаг к интересующей нас грамоте. В работе И. А. Шляпкина о «Древних русских крестах» воспроизведен восьмиконечный «крест преподобного Варлаама Хутынского», причем на самом кресте нет никакой надписи, которая относилась бы этот крест к Варлааму. Как сообщил нам М. К. Каргер, этот крест, находящийся теперь в Новгородском музее, позднейшего происхождения, и мы здесь имеем дело, таким образом, с явлением, аналогичным поручам Варлаама.

Переходим еще к одному предмету, связанному с именем Варлаама уже не косвенно, как архитектура или житие, или только преданием, как поручи или крест, но и самую надписью на предмете. Мы имеем в виду любопытный сфрагистический памятник: печати с именем Варлаама Хутынского. В 1903 г. А. В. Орешников воспроизвел печать, на лицевой стороне которой имеется изображение Варлаама в схиме, с надписью по сторонам: «ва-рлы», на оборотной же надпись: «печать варлаама игумена стго сиса хуты». А. В. Орешникову было известно семь экземпляров таких печатей. Из них лишь один имеет отверстие для шнура, но не имеет никаких следов этого шнура, остальные же не имеют и отверстий. При таких условиях несомненно должно бы возникнуть предположение о подделке. Такой знаток печатей, как Орешников, считает однако, что «палеографические признаки надписи не допускают возможности видеть такую искусную подделку букв XIV или начала XV в., к которому я бы отнес печать»; если это и подделка, то «штемпелем, может быть случайно сохранившимся от древности». И так, или все печати, или по крайней мере штемпель для них относятся к концу XIV — началу XV вв. и являются таким образом прямою подделкою под имя Варлаама.

После этих разъяснений мы можем перейти к непосредственно интересующей нас грамоте. Палеографические наблюдения дают нам достаточно широкое поле для хронологических колебаний. Материал грамоты — пергамен был в Новгороде в употреблении с ранних времен и до конца XV века; что же касается начертаний, то и здесь приходится считать, что

и для XIV века и даже для XV века существуют рукописи и акты с теми же начертаниями букв, что и в варлаамовой грамоте. Но одна сторона грамоты должна вызвать наше удивление. При несомненной дороговизне пергамента неудивительно, что, за единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты первостепенной государственной важности, не имеют полей: их обрез совпадает довольно точно с краями записанного текста. В противоположность этому, нижний неиспользованный край варлаамовой грамоты равен более четверти ее высоты; левое поле тоже достаточно широко, но оно, как увидим, заполнено.

С точки зрения дипломатической, вкладная написана по формуляру, сходному с тем, который характеризует новгородские позднейшие частные акты XV в.: весь акт написан в третьем лице, в конце — так наз. corroboratio и санкция. Нет только удостоверительных частей — ни печати, ни послухов, ни чего-нибудь другого. Исходя из последнего, Энгельман в свое время считал эту вкладную «неформальным актом», полагая, что, составляя ее, Варлаам принадлежал «к духовному сословию», поступал так, «как поступали, вероятно, греческие священники». В дальнейшем нам придется усомниться в существовании у нас такого рода «неформальных актов». а теперь укажем, что своего рода удостоверение в этом акте имеется. Именно, на левом поле этой вкладной изображен восьмиконечный крест, слева от которого расположена надпись. Надпись эта теперь не читается полностью, даже при произведенном Н. П. Тихоновым, по нашей просьбе, просвечивании ее короткими ультра-фиолетовыми лучами люминисценц-аппарата. То, что можно прочесть, сводится к обрывкам слов: «а се крь(сть)... м... ею роукою». Уже была высказана догадка, что конец надписи читается: «Варлаам своею роукою», догадка, которой нельзя отказать в вероятности. Полагаю, что именно это удостоверение должно быть принято во внимание при решении вопроса о хронологическом приурочении акта. В свое время И. А. Шляпкин, неутомимый собиратель новгородских крестов, дал большой материал для решения вопросов о наличии в Новгороде XII в. восьмиконечного креста. Среди новгородских graffiti XI—XIII вв. Шляпкин не нашел ни одного восьмиконечного креста. Точно также и среди так наз. «благославляющих» крестов XI—XIV вв. не оказалось восьмиконечного креста. Два «исключения», как их называет Шляпкин, оказались вышеуказанный крест Варлаама, а затем еще крест на нифонтовом антимпсе «1149 года». Однако, Шляпкин, назвав было оба креста «исключениями», в дальнейшем отказывается их считать такими: о кресте Варлаама он высказывает предположение, что он «переделан» впоследствии в восьмиконечный из другой

формы, и аналогично об антиминсе — что тот «подрисован». О кресте уже сказано было выше. Антиминс же, находящийся в настоящее время в Русском музее, хотя и не подрисован, что устанавливается совершенной тождественностью краски всех частей рисунка креста, однако текст его надписи так запутан, что вызывал уже серьезные сомнения и навряд ли относится к XII в. Шляпкин, подводя итоги своей работы, утверждал, что восьмиконечные кресты появляются в Новгороде «не раньше XIV века». Надо, однако, указать, что, напр., в одной из фресок Спаса-Передицы мы находим восьмиконечный крест, хотя на другой же рядом — крест уже шестиконечный. Таким образом довольно категорическое утверждение Шляпкина еще нуждается в дополнительной проверке. Если бы восьмиконечный крест и оказался существующим в раннем Новгороде и предметы с ним связанные оказались бы несомненно сохранившимися в первоначальном своем виде предметами XII—XIII вв., то мы все же считали бы себя вправе утверждать, что для XII—XIII вв. восьмиконечный крест явление чрезвычайно редкое. В то же время, начиная с XIV века, он общераспространен: на всех новгородских иконах XIV в., выставленных в настоящее время в залах Русского музея, мы находим именно восьмиконечные кресты, которых нет на более ранних иконах. Отметим также, что на знаменитой новгородской грамоте кн. Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю 1130 г., в подлинности которой нет никаких оснований сомневаться, крест тоже не восьмиконечный, а четырехконечный. При таких условиях наличие на Варлаамовой грамоте восьмиконечного креста склоняет нас к тому, чтобы отнести эту грамоту скорее всего к концу XIV — началу XV вв., ко времени, вокруг которого, как мы видели, группируются почти все памятники, связанные с именем Варлаама. Именно к этому времени, к концу XIV века, историк церкви Е. Е. Голубинский относит начало почитания в Новгороде Варлаама. Мы не знаем событий, которые стали поводом к тому, чтобы возвеличить память Варлаама. Однако, сам этот факт послужил, несомненно, мотивом не только к построению церкви имени Варлаама и к сочинению его жития, но и к поискам реликвий, которые частью были собраны среди вещей XIV—XV веков, как поручи и, возможно, крест, частью были тогда же фальсифицированы под XII век, как несомненно фальсифицированы были в то время печати и, вероятно, фальсифицирована грамота.¹

¹ А. Орешников. Материалы к русской сфрагистике (из «Трудов Московского нумизматического общества», т. III), М., 1903, стр. 29—30; И. Толстой и П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI, СПб., 1899, стр. 170—172; Е. Голубинский. История

Следующий, тринадцатый век, оставил нам, повидимому, три акта. Один из них относится к территории удельных княжений, два других — к вольным торговым городам — Новгороду и Пскову. Все три акта хорошо известны в нашей археографической и исторической литературе.

Первый из них — данная «рабы божией Марины черницы» Суздальскому Васильевскому монастырю, напечатанная трижды, притом два раза такими авторитетными учеными, как Востоков и Калачов. В этой данной вдова князя Дмитрия Константиновича дает монастырю по своему пострижению на «помпонок душ» своего мужа села Мининское, с приписными (у Востокова, прикупными — у Калачова) землями, с серебром и с животом, и Романовское. Грамота датирована 6761 (и 6760) г.; на обороте ее — рукоприкладство «духовного села Романовского попа Семена». Сохранилась эта грамота в копии XVI века, в свое время находившейся в собрании Головина, а позднее перешедшей к Уварову, и в сборнике копий Румянцевского собрания.

Оба дипломатические признака грамоты, наличие датировки и рукоприкладств, относят грамоту ко времени не ранее конца XV в. Содержание ее столь же расходится с датой: Дмитрий Константинович Суздальский жил не в XIII, а в XIV веке, и умер он только в 1383 г.; грамота называет монашеское его имя Дионисием, а на самом деле он был назван Федором. Как и в случае с грамотой Антония Римлянина, нам не трудно здесь вскрыть и время и мотивы подделки. В том сборнике копий, с которого напечатал эту грамоту Востоков, рядом с ней переписана вторая грамота того же монастыря, уже не с копии, а с подлинника. Это — грамота с прочетом царя Ивана Васильевича, от 13 марта 1583 г., в Суздаль Афанасию Сяпкову. Из нее мы узнаем, что игумен Васильевского монастыря Авраамий бил челом царю на суздальской охотной слободы охотников и «иных сторонних людей» в том, что они сено косят и травят монастырскую пустошь селище Мининское, которая «от мору лежит пуста»; в основание своих прав игумен сослался на то, что село это — «дано по душе, дача

канонизации святых в русской церкви, М., 1909, стр. 71, 543; В. Ключевский, ук. соч., стр. 58; Памятники древне-русской церковно-учительной литературы под ред. А. И. Пономарева, вып. II, СПб., 1896, стр. 187; И. Шляпкин, Древне-русские кресты, СПб., 1906, стр. 26—28 и таблица IV, № 75; текст надписей на кресте см. М. Толстой, Святые и древности Великого Новгорода, М., 1862, стр. 191 (надписи эти — обозначения изображенных на кресте фигур); Фрески Спаса-Нередицы, Л., 1925, табл. XXII; об антиминсе 1149 г. — Н. Покровский, Древняя Софийская ризница в Новгороде, вып. II, СПб., 1914, стр. 5—7, и Ф. Морозов, Антиминс 1149 (6657) года. Пг., 1915. Заслуживает внимания также и тот факт, что ни в одной из известных в печати редакций жития Варлаама мы не нашли указаний на вкладную. При сопоставлении с тем, как были использованы акты Антония в его житии, это должно показаться чрезвычайно странным. Приношу искреннюю благодарность М. К. Каргеру и Н. И. Тихонову за оказанное мне ими содействие.

князя Дмитрия Константиновича», т. е. основанием своих прав он выставил именно заподозренную нами грамоту. Игумен добился своей цели и грамота велит «беречь накрепко» пустошь от охотников и других людей в пользу монастыря, «чтоб их землею насильством оприч их не владел никто». Мы вправе отнести подделку грамоты именно к этому времени — к концу XVI века, к которому, впрочем, нас относят и сохранившийся экземпляр ее мнимой копии.¹

Второй из документов XIII в. это — хорошо известный в нашей исторической литературе духовная новгородца Климента. Ее подлинник в настоящее время неизвестен.

Впервые воспроизвел эту духовную в своем альбоме И. П. Сахаров, который один ее и видел. Научное реноме Сахарова, известного своими подделками, заставляет осторожно отнестись к вопросу о подлинности этого уникального акта, которому в специальных работах о духовных приходится отводить особую главу.

Однако, среди бумаг Сахарова сохранилась рукопись, которая рассеивает подозрения относительно возможной подделки им этого акта. Эта рукопись, писанная не Сахаровым, а другою рукою — писарским почерком (что при скверном почерке Сахарова делает возможным предположение о переписанном черновике Сахарова), представляет собою перевод духовной Климента на современный язык, причем этот перевод снабжен также комментариями. В этих комментариях ценно прежде всего указание на палеографические особенности духовной: «духовная сия, читаем в них, писана на пергаментном листке, довольно гладко выделанном, длиною в $6\frac{1}{8}$, шириною в 3 пестушии вершка». Два других примечания с очевидностью показывают, что комментатор не понимал имеющегося в его распоряжении текста духовной и не мог поэтому его и подделать. Климент дарил в своей духовной

¹ Данная Марины напечатана: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея, М., 1842, стр. 99; А. Ю. Б., т. 1, № 63 I (здесь дата годом позже: 6761); Описание актов собрания гр. Уварова, М., 1905, стр. 106—107 (по той же копии, что в А. Ю. Б.). О смерти князя Дмитрия Константиновича, см. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 48, под 6891 г.: «того же лета, июля в 5 день, в неделю, преставися князь Дмитрей Константинович Суздальский в черницах и в схиме, нареченный в снятом крещении Фома, а в мнишеском чину наречен бысть Феодор». Грамота с прочетом скопирована в сборнике копий Румянцовского собрания (Рукописное отделение Всесоюзной Публичной библиотеки им. Ленина), № 59, лл. 64 об. — 65 об. При ознакомлении с этим сборником оказалось, что сомнение в подлинности разбираемой грамоты 6760 г. было уже давно: на л. 64, где переписана эта грамота, внизу сделана пометка карандашом, почерком первой половины, даже м. б. первой четверти XIX в.: «Подложная»; сомнения в подлинности ее были и у П. М. Строева, когда в своих «Списках иерархов и настоятелей монастырей», СПб., 1877, стб. 685, он под рубрикой Васильевского монастыря поместил 1252 г. с вопросительным знаком.

Юрьеву монастырю два села «одерень», с указанием, что «заводник сусед мой Опаль». Оба термина, и «одерень» и «заводник» нам хорошо известны по актам XV века именно в отношении поземельного имущества: земля дается или продается «одерень» — т. е. «ввек», а передача земли новому владельцу совершается путем «завода» (о чем подробнее — в следующих главах нашей работы). Но для комментатора «одерень» «тоже, что работник или раб подлый», имя собственное «Опаль» превращено комментатором в глагол «опал», а относительно «заводника» он прямо признается, что «не мог я догадаться, что такое значит: есть ли читать слово сие просто и принимать за содержателя завода, то заводник опал, кажется значит, содержанию завода соловаренного оп, по неудовольствию на него, ничего не отказывает». Наконец, о том же говорит денежный счет духовной, в котором, как нам указал Н. П. Бауэр, перекрещиваются две системы денежного счета, что создает на первый взгляд несоответствие цифровых денежных данных в духовной. Разгадка этого счета не была известна Сахарову и, опять-таки, это говорит за подлинность: при подделке пришлось бы ставить денежные единицы по своему пониманию, а не по действительному положению дел в XIII в. Духовную Климента приходится признать подлинным новгородским актом XIII в.¹

¹ Духовная Климента воспроизведена литографским путем И. П. Сахаровым в альбоме вышедшем без имени автора под заглавием: «Образцы древней письменности» (без года и места издания), таблица 3. Это издание должно было явиться частью задуманного Сахаровым «Обозрения славяно-русской библиографии». Из первого тома этого труда вышел только один выпуск («Обозрение славяно-русской библиографии», вып. IV, том I, кн. 2, СПб., 1849). Т. П. предназначался Сахаровым «Славянорусской палеографии» и делится на три выпуска: 1. Книжное письмо, 2. Судебное письмо, 3. Книгопечатание. Все эти три выпуска постигла странная судьба. Первый выпуск без титульного листа имеется в библиотеках Ленинградского Университета и Академии Наук. Второй и третий выпуски, повидимому, не были в свое время допечатаны. Они были в 1890 г. куплены книгопродавцом Шигиным, к ним допечатаны обложки (с названиями: «Образцы древней письменности» и «Образцы славянорусского книгопечатания с 1491 г.»), без имени автора, года и места издания; цензурой разрешено 7 февраля 1891 г.) и в таком виде пущены в обращение (Н. П. Смирнов, Библиографические материалы, СПб., 1898, №№ 401 и 502; И. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 70). Второй выпуск, в котором напечатана духовная Климента, сужил, по словам Н. П. Смирнова, «руководством при чтении актов для воспитанников лицей и училища пророков» (указ. соч., № 58). К сожалению, нам не удалось найти литографированного экземпляра лекций Сахарова по юридической палеографии; в рукописных частях этих лекций, имеющих в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, при перечислении сохранившихся памятников XIII века духовная Климента не указана; остается предположить, что она была найдена Сахаровым позже написания им этой части лекций. Упомянутый в тексте перевод духовной Климента сохранился в бумагах Сахарова, вошедших в состав коллекции И. А. Шляпкина (Архив Института истории А. Н.), № 841. О подделках Сахарова см. А. Ныппин, Подделки рукописей и народных песен, СПб., 1898. Н. П. Бауэром, которому приношу искреннюю благодарность, подготовлена специальная работа о денежном счете этой духовной.

Третий акт — это найденная в Рижском архиве и впервые опубликованная Напьерским так наз. рядная Тешаты и Якима. Акт этот представляет значительные трудности для понимания; по он не возбуждал до сих пор сомнений в своей подлинности. Он писан «Довмонтовым писцом»; имени этого писца нет. К акту привешена печать Довмонта; известен другой экземпляр такой печати, хранящийся в Институте истории, в собрании сектора вспомогательно-исторических дисциплин, и описанный в работе Н. П. Лихачева.¹

Таким образом от тринадцатого века нам остались два подлинных акта. Первый из актов относится к Пскову, либо, как предполагал Паниерский, к Полоцку, второй — к Новгороду, т. е. к тем двум центрам, развитие которых в эти века шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной России.² Нам все же остается неизвестен для этой поры ни один частный акт на территории удельных княжений.

Переходя к XIV в. мы находим, особенно в старой археографической литературе, значительное количество актов, связанных с этим веком. Однако последующие разыскания произвели в этой хронологической работе значительные перераспределения.

Так, Акты юридические, которые впервые вошли в научный оборот значительнейшее количество частных актов, отнесли к XIV—XV вв. все напечатанные ими двинские акты. Точно так же поступил и Востоков, который в своем классическом «Описании русских и словенских рукописей Румянцовского музея», поместил под № LXXVII «Списки с подлинных старинных купчих, закладных, духовных и пр., писанных двинянами в XIV в.». Описывая отдельные из них и определяя их по почеркам (в собрании Румянцева часть грамот была перерисована на кальке и в таком виде вклеена в сохранившийся до наших дней альбом), Востоков относил некоторые из них даже к XIII в. или началу XIV в., как, напр., № 1 и 3. Срезневский поместил в своих «Древних памятниках», с прямой ссылкой на Востокова, эти акты под датой «около 1350 г.»³

¹ Неволлин. Полн. собр. соч., т. VI, СПб., стр. 551—585 (статьи Неволлина и Срезневского); В. Трутовский. Тешата и Яким и их взаимные отношения, «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 328—338; Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, Л., 1928, стр. 32—34.

² К этим актам мы еще вернемся в последующих главах, в связи с анализом данных Псковской и Новгородской судебных грамот.

³ Акты юридические, № 71 (купчие), 110 (дапные), 138 (отводная); А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея, СПб., 1842, стр. 107 и сл.; И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, изд. 2, СПб., 1882, стр. 205—206.

Однако, в настоящее время нам нет нужды заниматься критикой этой хронологической работы Востокова. Шахматов, подвергнув новому рассмотрению эти акты и с точки зрения палеографии и с точки зрения их языка, кончил заявлением: «мы с уверенностью заключаем, что вообще все собранные в нашем издании грамоты относятся к XV в.». Те сомнения, которые из осторожности высказал Шахматов, мало колеблют его выводы: три акта (№№ 39—41) «возможно», по его словам, восходят к концу XIV в., так как фигурирующий в них игумен Лука получал благословенную грамоту от архиепископа Новгородского Иоанна, а последний жил в 1389—1414 гг. (следовательно, здесь столько же «возможностей» для XIV в., сколько и для XV); предположение Шахматова, что одна печатаемая им купчая (№ 105) должна быть отнесена ко времени до 1393 г., основано на дате другого акта, дате, имеющейся в позднейшей копии этого акта, но отсутствующей в известном нам подлиннике этого акта. Таким образом, и эти сомнения Шахматова относительно четырех из печатаемых им актов скорее являются данью величайшей осторожности Шахматова, чем вескими основаниями датировки. В то же время можно указать, что в другом отношении датировка Шахматова является уязвимою, и именно в отношении конечного хронологического момента приурочения печатаемых им актов.¹

Шахматов полагал, что *terminus ad quem* для издаваемых им актов — это 1471 г., время покорения Новгорода Москвой; несомненно, что основанием для этого заключения Шахматову послужило то, что он далее излагает в виде вывода: «вот почему, — писал Шахматов, — ни в одной из наших грамот не содержится упоминания о московском великом князе, его наместнике или тиунах».

Однако нельзя вообще не заметить, прежде всего, что эти упоминания в частных актах, — а именно они составляют подавляющее большинство среди изданных Шахматовым актов, — не обязательны, и даже, как правило, к концу XV в. редки. На примере же двух, по крайней мере, групп печатаемых Шахматовым актов мы можем утверждать, что 1471 г. отнюдь не является крайней хронологической гранью печатаемых Шахматовым актов, и что они заходят несомненно в начало XVI в. Именно, значительная часть Шахматовского сборника отведена актам Михайловского Архангельского монастыря: из 115 номеров они занимают 33. До нашего времени сохранился тот, составленный в монастыре

¹ А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903, стр. 1—5. Ср. поправки к хронологии Шахматова у П. Голубовского, Университетские известия. Киев. 1907, № 2, стр. 5—8, которые не колеблют общих ее рамок.

в XVII в., сборник актов, которым пользовались еще издатели Актов юридических и которым также воспользовался для своей работы Шахматов. Ближайшее изучение этого сборника дает, как кажется, довольно твердые спорные точки для хронологии напечатанных Шахматовым актов, равно как и для других вопросов, составляющих предмет нашего дальнейшего изучения.

Мы видим, что в особой части сборника, содержащей недатированные акты и озаглавленной: «Списки с харатейных с купчих и з делных и з духовных и со всяких крепостей», переписаны те акты, которые вошли в состав Шахматовского издания. Все остальные акты, датированные, в состав Шахматовского издания актов XV в. не вошли и войти не могли: самый ранний из этих актов относится к 1509—1510 (7018) году. Наблюдая за хронологией этой второй, датированной части архангельского сборника, мы видим, каков был актовый оборот того времени: к 7018 г. относится — 1 акт; к 7021—1 акт; к 7023—1 акт; к 7027—2 акта; к 7028—2 акта и т. д., с тою же приблизительно частотою. Таким образом для 7018—7028 гг. мы имеем 7 актов и на промежутки в 1—2—3—4 года приходится по 1—2 акта. Допустив, по Шахматову, что хронологическою гранью напечатанной им части сборника является 1471 г., нам пришлось бы допустить более чем маловероятный факт довольно значительного актового оборота в течение первых семи десятилетий XV века (1400—1470 гг.), перерыв этого оборота в течение последующих четырех десятилетий (1470—1510 гг.) и начало нового значительного актового оборота с 1509—1510 гг.

Аналогичные наблюдения могут быть сделаны и над датами другой крупнейшей группы из напечатанных Шахматовым актов, над датами актов Николю-Чухченемского монастыря. И для этого монастыря сохранилась, к счастью, в фонде грамот Коллегии экономии копия книга, составленная в 1684—1685 гг. Особая группа актов и здесь помещена, как акты «без году»; включая один ошибочно датированный акт, она составила именно ту группу актов, которая вошла в «Двинские грамоты» Шахматова. Николю-Чухченемских актов у Шахматова еще более, чем Михайло-Архангельских — их тридцать восемь. Датированные акты начинаются несколько ранее, чем в Михайловском монастыре, 7007 (1498—1499) годом. Точно так же, как и там, мы замечаем частый, даже еще более частый оборот актов: за 7007 г.—1 акт, за 7008—1 акт, за 7009—2 акта, за 7002, 7014, 7015, 7016, 7019—по одному акту. Первое десятилетие XVI в. дает то ежегодный, то через 1—2 года актовый оборот. Допустив опять-

таки хронологию Шахматова, мы и здесь имели бы за первые семьдесят лет XV в. 38 актов, то есть по одному акту на два года, затем — тридцатилетний перерыв, а потом вновь оживленный актовый оборот первого десятилетия XVI в.

Думается, что нет никакой нужды в этом ни на чем не основанном предположении, и, откинув выше то заключение от умолчания, исходя из которого Шахматов поставил свою грань в виде 1471 г., мы можем с уверенностью утверждать, что напечатанные Шахматовым акты имеют своей конечной датой не 1471 г., а начало XVI в., непосредственно смыкаясь с группами актов, начинающихся 1498—1499 и 1509—1510 годами. Мы видим теперь, как значительно изменяются наши представления о хронологии двинских актов: то, что Востоков, его ближайшие предшественники и его последователи считали в некоторых частях даже едва ли не актами XIII в., после работы Шахматова приходится относить уже во всяком случае к XV в. и, может быть, в единичных случаях к самому концу XIV в.; их конец приходится в настоящее время передвигать еще позднее — вплоть до начала XVI в. Таков довольно поучительный итог хронологических суждений о некоторых представителях раннего русского акта.¹

Точно так же, значительное количество актов, отнесенных к XIV веку, мы находим и в «Сборнике Муханова». Однако из числа их приходится, после сказанного выше, вычесть двинские грамоты, без особых объяснений перенеся их в XV в. Остающиеся акты заслуживают внимания с этой же точки зрения. За № 260 Мухановым помещена «даная память» князя Ивана Ивановича (Засекина); однако к XIV в. она не может относиться уже потому, что князь едет на «государеву цареву службу»; справка с подлинником, хранящимся в рукописном отделении Ленинской библиотеки, указывает на факт небрежного снятия копии: хотя Мухановым на месте года и поставлено многоточие, поврежденный край акта читается все же отчетливо — лета 7...2; втак, вместо XIV в. мы имеем дело с серединой XVI в. В том же сборнике за № 118 находим «данную» Саввы Сюзева под 1399 г., о которой см. далее.

¹ А. Шахматов, ук. соч., ч. I, стр. 15—16, ч. II, стр. 59—87 (№ 39—71); Сборник актов Михайловского Архангельского монастыря в Рукописн. отд. Библиотеки Акад. Наук СССР, Архангельское собрание, № 1192, лл. 275—275 об. (купчая 7018 г.), 270—272 (духовная 7021 г.), 242—242 об. (дельная 7023 г., напечатана в Сб. грам. Колл. эконо., т. I, № 51 по подлиннику), 231 об.—233 (2 купчих 7027 г.), 301 об.—302 (отступная 7028 г.), 312—314 об. (иеновная 7026 г.); копия книга Пиколо-Чухченемских грамот — ГАФКЭ, Грамоты Коллегии экономии, № 14385; все акты этой книги напечатаны в Сборнике грамот Коллегии экономии, см. т. II, № 76, цитируемые грамоты 7007—7019 гг., т. I, №№ 42—50.

Данная Тропце-Сергиеву монастырю под № 292 относится не к 1389—1425 гг., а к 1508—1514 гг., так как именно в эти годы игуменом был Памва. Данная Микулы Борисовича Спасо-Ярославскому монастырю за № 329 отнесена Д. Лебедевым в его рукописных поправках к датировке Мухановым актов его собора ко времени ок. 1492 г. Остается только один акт — это громадная Новгородская рядная; однако ее детальность и разработанный формуляр, занимающее более полустолбца описание границ, вместо обычных в раннее время лапидарных формул, ссылка на целый ряд «старых» грамот, — все это в своей совокупности заставляет и этот акт отнести к XV в., скорее всего даже ко второй его половине. Итак, и здесь мы не имеем частных актов XIV в.¹

Для этой эпохи с точки зрения целей нашей работы подделки не имеют такого значения, как для предыдущего времени. Однако на некоторых из них не лишне остановиться.

Первая — древнейший из палеостровских актов, мировая шупгских смердов, недавно послужившая для доказательства положения, что новгородские грамоты разумеют под термином смерд «всю массу сельского населения». Эта «старинная ободная», как она названа в сохранившемся экземпляре, выдающем себя за копию подлинника, но являющимся скорее всего оригиналом подделки, носит признаки актов XVI—XVII вв. Предвосхищая результаты дальнейшего, мы видим эти признаки в совокупности того, что акт датирован, притом не только годом, как то встречается в частных актах в конце XV в., но и месяцем и числом («лета 6883 году. июля в 13 день»), для чего надо перейти уже к XVI в. (некоторые единичные примеры датировки в позднейших копиях актов должны быть рассмотрены каждая в отдельности); далее — в том, что акт имеет рукоприкладства (их два), чего нельзя найти в актах ранее XVI в.; что акт назван «записью» — термином, вошедшим в употребление только в XVI в.

Заверка этой копии — «списка» («к сему списку... руку приложил») архимандритом Хутынского монастыря Тихоном, а архимандритом он был в 1658—1660 гг., повидимому, дает возможность датировать точнее эту подделку.²

¹ Сборник Муханова, изд. 2. СПб., 1866; у Шахматова перепечатаны №№ 259, 311—317, 331, 333; № 260 — Рукоп. отд. Публичной библиотеки им. Ленина, собрание Муханова, № 20; пометка Д. Лебедева на «Каталоге актов XIV, XV, XVI и XVII вв., принесенных в дар Моск. публ. музею П. А. Мухановым», СПб., 1865, стр. 9, № 18, там же, в Рук. отд.

² Е. Барсов. Палеостров. Чтения в Общ. ист. и др. росс., 1868, кн. I, стр. 188—189 (неисправность обозначения даты — в рукописи); Б. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси, Л., 1934, стр. 41—42; П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей, стб. 49.

Другим примером подделки акта XIV в. может служить дважды напечатанная данная Саввы Дмитриевича Сюзева Благовещенскому монастырю от 1398—1399 г. Она обращает на себя внимание совершенно необычным своим началом: «Лета 6907. Божиею милостию се яз Сава Дмитриевич Сюзев». Датировка частного акта, как нам уже приходилось выше указывать, относит нас, по крайней мере, к концу XV в., а датировка, поставленная в начале акта, явление еще более позднее. Формула «божиею милостию» в частных актах неупотребительна. Дарение произведено Сюзевым при архимандрите Малахии, но акты с именем Малахии нам известны по крайней мере до 1436 г., т. е. Малахий был бы архимандритом в течение не менее 37 лет, что очень мало вероятно. Разгадку этих особенностей данной мы найдем, лишь обратившись к рукописям.

Среди грамот Коллегии экономии по Курмышу имеется, действительно, «список з даные Савы Сюзева»; к этому списку патриарх Иов «велел печать свою приложить»; на обороте этого списка находим подтверждение Михаила Федоровича и патриарха Филарета, которые 25 мая 1624 г., «слушав» сего списка, «указали подписать» его на свое имя и «впредь для спору» отдать список монастырскому архимандриту. На лицевой стороне списка, в его верхнем правом углу имеется пометка — ссылка на источник: «а грамота писана в патриаршей крепостной книге». Эта патриаршая крепостная книга уже известна в литературе — это замечательный сборник б. Московской синодальной библиотеки, № 276, с которого данная Саввы Сюзева была напечатана в Актах, относящихся до юридического быта. Наблюдения над этим сборником и позволят, думается, найти объяснение указанным странностям этого акта.

Этот сборник был первоначально составлен, как полагает С. Б. Веселовский, ок. 1538 г., а потом к основному его тексту приписывались новые акты. Как чаще всего это бывает в копийных книгах, так и здесь акты расположены по местностям. Глава 10-я отведена Нижнему Новгороду. В основном тексте нижегородских актов нет данной Саввы Сюзева, ее нет и в первой группе приписок, — она имеется лишь во второй группе наслоений.

Из той же книги мы узнаем, что в 1621 г. монастырь затеял дело против местных черемис, обвиняя их в том, что они владеют монастырскою землею «по записи», но уже в течение 27 лет не платят полагающегося монастырю оброка. В доказательство принадлежности земли монастырю, что черемисы оспаривали, и была предъявлена данная Саввы Сюзева, подтвержденная патриархом Иовом. Итак, и запись, по словам истцов, была

взята с черемис в 1594 г., при патриархе Иове. и Иовом же была подтверждена данная Саввы Сюзева, теперь служащая основанием иска, как тогда, повидимому, послужившая основанием для получения записи с черемис.

Ранес мы указали на необычные черты данной для акта конца XIV в. Теперь мы видим отсутствие этого акта в первоначальном своде пажгородских актов (в том числе и Благовещенского монастыря); в то же время, при отсутствии подлинника и каких-либо ссылок на него, мы имеем дважды подтвержденную копию: при Иове, куда нас ведет исходный момент поземельного конфликта, и при Михаиле Федоровиче, когда дело дошло до суда. Невольно напрашивается полная аналогия с тем, что мы наблюдаем при анализе актов Антония Рямляпина: в спор о земле, и отсутствие подлинника к моменту спора, и появление списка, и двойное подтверждение этого списка, который в таком случае уже заменяет собою подлинник.

Однако, в данном случае, мы можем установить те основные элементы, из которых сложился «список» данной Саввы Сюзева. Первый из известных нам актов Благовещенского монастыря — это жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю 1423 г.; она дана была арх. Малахию на ряд земель, в числе которых были упомянуты и пустоши Саввы Сюзева. Таким образом и даритель и игумен здесь были даны. Необычное же для частного акта того времени «Божиею милостию се яз» составляют трафаретное начало митрополичьих грамот (позднее — и царских) и, конечно, было введено составителем «списка» из практики, привычной для митрополичьей канцелярии.¹

При наличии подделок, все же мы имеем от второй половины XIV в. немногие акты, подлинность которых нет основания заподозрить, и мы можем полагать, что для центральной России именно эта эпоха была временем появления здесь частного акта. Когда в. кн. Симеон Иванович в 1353 г. перечислял в своей духовной свои купли, указывая, у кого он что купил, то все же, повидимому, актов у него на эти купли не было: их перечень заключается замечанием: «или буди чего забыл написать свое купли»; но несколько лет спустя, в духовной Ивана Ивановича

¹ Данная Саввы Сюзева напечатана: Сборник Мухомова, № 118; А. Ю. Б., т. I, № 635; списки ее — ГАФКЭ, Грамоты Коллегии экономики, № 6085, и Рукописное отделение Исторического музея, рукопись б. Московской Синодальной библиотеки, № 276, л. 280 об.; судебное дело с черемисами там же, лл. 420 и сл.; акты с упоминанием арх. Малахия там же, л. 273 (6936) и 273 об. (6944); жалованная грамота 1423 г. — Сборник Мухомова, № 119 и А. А. Э., т. I, № 21; С. Веселовский, Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 69, прим. 1.

1356 г. мы видим людей «грамотных» в качестве несвободных людей.¹ Так здесь ярко отразился тот переходный момент, о котором мы только что говорили. В дальнейшем мы попытаемся установить ранние типы частного акта, а также те условия, которые повели к его внедрению в социальные отношения феодальной Руси.²

S. VALK. LA PERIODE INITIALE DE L'ACTE PRIVÉ EN RUSSIE

RÉSUMÉ

Dans la littérature historique russe la diplomatique des actes privés est à peine, tout récemment, devenue un objet d'étude. Mais, tout en possédant des travaux consacrés à l'examen de diverses variétés de l'acte privé nous n'avons encore à enregistrer aucune tentative de mettre à l'étude l'histoire générale de l'acte privé. Partant de la conviction que sans l'appui de cette dernière un examen critique de variétés séparées d'actes est impossible, l'auteur se pose comme but, dans le présent travail, de donner une pareille histoire.

¹ С. Г. Гр. и Дог., т. I, № 24 п 26.

² На стр. 300 мне пришлось упомянуть, доказывая поддельность актов Антония Римлянина, что название его Римлянином позднее, относящееся к XVI веку. Во время прений по состоявшемуся 14 июня 1936 г. в Новгороде (на объединенном пленуме Института истории феодального общества ГЛИМК и Ученого совета Новгородских музеев) моему докладу о «древнейших новгородских актах», где мне пришлось коснуться и этих актов, Н. И. Репников указал, что в монастыре Антония Римлянина имелся ряд вещей западного происхождения (известные эмали, см. стр. 300—301, прим. 1, колокол), указывающих на западные связи монастыря. Полагаю, что именно наличие этих западных вещей в монастыре может служить объяснением возникновению позднейшей легенды о прибытии Антония из Рима.

На стр. 308—309 я доказываю подлинность духовной новгородца Климента, считавшейся утерянной. Во время прений по состоявшемуся в Институте истории АН (Москва) 4 мая 1936 г. моему докладу о необходимости издания полного свода русских древних актов М. Н. Тихомиров указал, в доказательство необходимости розысков актов, что духовная Климента нашлась в Историческом музее. Благодаря любезности Л. И. Пономарева и А. В. Арпиховского, которым приношу искреннюю благодарность, мне удалось и увидеть подлинник и получить фотографию духовной Климента. Оказалось, что Сахаровский снимок не передает вида оригинала и, в частности, не воспроизводит одной палеографической детали, убедительно говорящей не только о древности акта, но и о том, что акт этот хранился в монастырском архиве: именно, складки на обратной стороне акта не только показывают, как был свернут акт, но и дают на полосе акта, оказавшейся после спертывания акта наружной, практиковавшийся в монастырских архивах заголовок — надпись:

Клименторо(с)
копсанъ.

Actuellement sont publiés les deux premiers chapitres de ce travail. Le premier chapitre renferme un aperçu historiographique où sont indiquées certaines tentatives de poser la question des conditions de la naissance de l'acte privé. Au deuxième chapitre, dans la voie de l'analyse d'actes privés, rapportés habituellement aux XII-me—XIV-me siècles, certains d'entre eux sont établis comme faux, pour quelques autres les dates sont corrigées. Il en résulte la conclusion, qu'à des exceptions isolées près, nous en sommes réduits à dater les commencements de l'histoire de l'acte privé en Russie de la moitié du XIV-me siècle.
